

Лия Левитан, Лидия Разумовская

ЗАПИСКИ МЕДСЕСТРЫ

Хадера, Израиль
2001

Октябрь 1941-го года. Ленинградская осень, необычная, волнующая, тревожная. У ворот Ленинграда фашистские орды. Пушкин и Стрельна, Пулковое и Урицк - в руках немцев. Перерезаны дороги на «большую землю». Ленинград в блокаде. Еще непривычно это слово, не всем понятно, еще не развернулось оно во всём своём страшном значении, но уже свистят каждый день на улицах снаряды дальнобойных орудий, рвутся на площадях, пробивают стены домов. Бомбежки не утихают. 10 - 12 раз в день завывает сирена. Немцы стараются не только поразить военные объекты и уничтожить население, - они хотят морально разбить Ленинград. Вместе с зажигалками летят листовки, которые призывают жителей не сопротивляться, сдать город. Идет тяжелая борьба.

В это время начал существовать эвакогоспиталь N 70 (позже N 1448). Садовая 26 - недалеко ещё шумный Невский. Большое красное здание с садиком, огражденным высокой решеткой. Когда-то здесь был Пажеский корпус, потом - пехотное училище. Теперь здесь госпиталь, сюда мы пришли жить и работать.

Состав сестер был самый разнообразный: и квалифицированные медицинские сестры, пришедшие из больниц, и девочки со школьной скамьи. Большинство из нас пришли сюда, только что окончив рокковские курсы, робкие и неумелые, боясь подойти к больному, не зная самых простых процедур. Но мы принесли с собой молодой энтузиазм и горячее желание быть полезными. Нас встретил начальник медицинской части Б. З. Данович. В краткой беседе он дал нам почувствовать, какой тяжелый и важный труд нас ожидает. Мы слушали, широко раскрыв глаза, и нам в голову не приходило, что этот человек, который как

будто всё знает и так во всём уверен, - тоже сугубо штатский человек, и ему труднее, чем нам.

Начали с устройства помещений: носили песок для противопожарных ящиков, расставляли койки, развешивали картины...

Поступили первые партии раненых. Они поступали из ближних мест - из пригородов Ленинграда, и в их рассказах была ненависть к врагу и бессильная ярость, которая, может быть, и заставила их быть раздражительными.

Многим из нас, новеньких сестер, работа в палате принесла большое разочарование. Мы мечтали о фронте, о героизме, а тут надо было исполнять обыденную будничную работу: мерить температуру, разносить обеды, - и выслушивать довольно нелестные замечания больных, потому что движения наши были неловки и неумелы. Хотя мы упорно и внимательно присматривались к тому, как работают более опытные товарищи, но всё же очень часто ошибались, путали, забывали. Позже мы любили вспоминать о том,

Как шприцы мы кипятили,
Позабыв воды налить,
Как один раз позабыли
Всю палату накормить.
Выпускать слова из песни
Ни о чём, друзья, нельзя:
Как историю болезни
Мы искали по три дня.
Все, как курицы, в палату
На один сбегались крик
И на белые халаты
Выпускали воротник...

Постепенно заполнились палаты и отделения. Для первого поступления мы постарались создать

особенный уют. Палаты сверкали белизной белья, ярко начищенным, точно лакированным, паркетом. Высокие потолки, белые стены, люстры и чистота довершали впечатление. Некоторые помещения были просто-таки величественными, например, большой коридор 2-го отделения, зал с колоннами в 3-м отделении. Перед такой красотой и массой света мы чувствовали себя ещё более робкими.

Состав больных был тяжелым. Раненные в живот и в грудь, тяжелые ампутанты - все лежали вместе, и для нас, неопытных сестер, было поэтому ещё труднее понять особенности ухода за тем или иным типом раненых.

Бывало так: войдешь в палату - и со всех сторон поднимается крик:

- Сестра, попить!
- Сестренка, помоги повернуться!
- Утку, сестра!
- Сестрица, ногу очень жмет, ослабь повязку!
- Укрой меня вторым одеялом, сестра, холодно!
- Сестра, подойди на минутку!

Мы терялись, не знали, кому и чем быстрее помочь. Мы бегали по палате, подавали пить, подбинтовывали и успокаивали, укрывали и кормили с ложечки. Вскоре мы научились делать уколы, быстро раздавать лекарства и правильно давать кислород, но не умели ещё организовать своё время, составить себе систему работы на весь день, чтобы всё успеть в срок, чтобы больные не кричали лишний раз, - этому мы научились гораздо позже.

Постепенно мы привыкли к палате, к своему белому халату, а также к общему порядку в госпитале, к тому, что мы теперь военные, что находимся в воинской части, должны носить форму и подчиняться

суровой воинской дисциплине. Но сколько раз начмед отправлял нас из своего кабинета, не подписав медикаменты, потому что мы явились не в гимнастерках, сколько раз нас, встретив во дворе, поворачивали «кругом»,

Потому что забывали
Взять с собой противогаз
И начальству попадались
На глаза мы каждый раз.

Нас жестко приучали являться на свои посты по сигналу воздушной тревоги и артобстрела. Мы потом вспоминали частенько,

Как однажды по тревоге
Не спешили мы вставать
И приказ был отдан строгий
Три часа маршировать ...

Нам трудно было привыкнуть к тому, что нельзя уйти домой, когда захочется, а только по увольнительной (или забежать домой, получив командировку). Едва ли не самой тягостной обязанностью для нас было хождение в караул, особенно дежурства в проходной будке.

Все, кто работал в госпитале, никогда не забудут старшину команды и коменданта городка Лобанова. Это имя было у нас нарицательным. «Куда идешь? - К Лобанову» означало - в караул, «Я сплю сегодня у Лобанова» - в караульном помещении. Он неукоснительно следил за несением караульной службы и распекал на весь двор за малейшие нарушения. Но нам слабо прививалась эта наука:

Нас учил Лобанов грозный
Никого не выпускать,
Слушали его серьезно:
Всем давали удирать ...

Иногда удавалось его перехитрить. В самые голодные дни одна из сестер - Ира Рывкина провела тайком в госпиталь маму, которая жила одна и, конечно, голодала. Устроила её в нашей комнате, спала она на кровати тех, кто уходил на смену. Никто так и не узнал, что она жила у нас. Но случилась такая история: наша комната проспала «тревогу», и грозный старшина Лобанов разбудил нас и заставил два часа маршировать во дворе. Было темно, никто нас не видел, и мама Иры маршировала в строю вместе с нами.

... Прошел месяц, другой - и незаметно наступило то время, которое мы привыкли в госпитале обозначать словом «блокада». Мы испытали самые чёрные, самые страшные месяцы: декабрь 1941 - март 1942.

Медленно, но верно, с железной неумолимостью сдвигались тучи над нашим городом - и вместе с тем над нашим госпиталем. Наступил жестокий голод. В городе население получало 200 - 125 граммов хлеба. Всё труднее становилось с питанием и у нас. Невозможно было понять, из какой крупы сварена та всегда одинаковая мутноватая жижица, которую называли супом. А липкие чёрные кусочки хлеба, разваливавшиеся в руках, которые мы разносили больным, с каждой неделей становились всё меньше и меньше. Постепенно перестала идти вода - сначала в верхних этажах, а потом и в нижних. Погас свет. Ледяными стали ещё недавно горячие батареи. Сначала не верилось, казалось, что этого не может быть, что это какая-то авария на станции, её исправят, - и снова

будет всюду тепло, светло и уютно ... Но исправить было нельзя, и скоро мы все это поняли.

Госпиталь погрузился в холод и мрак. Мы сами не заметили, как быстро красивые светлые палаты приобрели нежилой, страшный вид. Стекла, выбитые бомбёжками и обстрелами, заменены фанерой или картоном, - их разукрашивал толстый слой инея. Ледяная корка покрывала пол, иней сверкал на стенах, сверху донизу. Тепло бывало только днем около печки-временки.

Нельзя не рассказать об этих очагах, представлявших собою магнит палаты, жизненный центр отделения. Ярко пылает огонь в печке: только что раскололи несколько табуреток и откуда-то добытые доски. На печке стоят котелки и железные банки, в них греется «тюря»: смесь всего того, что было выдано на обед, с накрошенным туда хлебом. Кто-то помешивает «варево», остальные сидят на полу вокруг печурки, играют в карты и вспоминают о том, что они ели в мирное время. Почти все разговоры сводятся к еде. Кое-кто снял рубашку, занимается уничтожением насекомых и ругается вполголоса: «Эхма, доживу ли я до бани!»

Команда на ужин - и вниз, в столовую движется процессия исхудалых длинных фигур: кто в шинелях, кто в накинутых причудливыми складками одеялах; они бредут гуськом, освещая себе путь лучинками, спотыкаются на скользких лестницах, падают, и если при этом роняют хлеб или проливают компот, взрослые мужчины плачут иногда, как дети.

В помещении сумрачно даже днём. С наступлением же вечера воцаряется полный мрак: один фонарь на всё отделение - он обычно в перевязочной или в буфетной, где раздают пищу. Остальные

помещения - палаты, коридоры только кое-где освещены коптилками. Скверная, грязная ночлежка - вот на что были похожи наши палаты.

В этом мраке и холоде лежали тяжело раненные и больные люди. Они лежали в валенках и гимнастерках, укрытые шинелями, на грязно-сером белье, ведь его меняли месяц и два тому назад. А между койками бродили тени с ввалившимися глазами, с почерневшими лицами, исхудавшие до костей. Это были мы, сёстры. Мы с трудом узнавали друг друга: все сразу словно постарели на десять лет. Мы поднимались по лестницам, держась за стены, и чуть не качались от ветра: не шли опухшие от цинги ноги, не было сил в исхудалых руках. Но было нужно, - и мы таскали больных и ни разу не уронили носилки, хотя каждую минуту казалось, что больше не сделаешь ни одного шага. Было нужно, и мы целыми сутками были на ногах, делали уколы, выносили судна, выполняли двойную работу - за себя и за санитарок, потому что санитарок почти не было, истощение свалило их. Было нужно, и после дежурства мы приходили на отделения, носили кирпичи, месили глину, помогали складывать печи, пилили дрова, стояли на крышах во время воздушных налётов.

Всё лютее становились морозы, всё меньше сил оставалось у людей, всё больше умирало от истощения, голода и поносов. Самыми ужасными палатами в госпитале были, пожалуй, палаты больных, страдавших непрерывными дистрофическими поносами. С жёлтыми иссохшими лицами, с тусклыми глазами - они лежали долго, неделями, месяцами, и многие из них погибали. Дистрофия давала разные осложнения. Очень было страшно, когда один больной ночью постоял у сестринского стола, разделся - и пошёл по лестнице

вниз, дошел до железной ограды и попытался на неё влезть. Вернули, одели, положили на кровать. И через некоторое время он опять встал около сестры, разделся - и опять пошел на ограду ...

Голодали мы сильно. Тем, чьи близкие эвакуировались, было легче. А те, у кого в городе оставались родители и младшие в семье, собирали для дома всё, что могли. Суп мы съедали, а кашу собирали: гороховая каша - 90 грамм, пшенная - 120 грамм, гречневая - 140 грамм; эти блокадные нормы запомнились на всю жизнь. Собирали и хлеб, если заменяли хлеб сухарями, - сухари. Мы позволяли себе съесть только «довесок» (если он был в пайке), остальное шло семье. Хранили еду (ведь вырваться домой приходилось нечасто) в стеклянных банках с жестяными крышками и с ручкой, - теперь и банок таких нет! Банки прикреплялись к гвоздям на стене - повыше, потому что крысы, серые громадные крысы прыгали на стенки; никогда мы не видали до этого, чтобы крысы так прыгали! И вот идешь домой с банкой, и вдруг - ба-бах! - обстрел. Постоишь у стенки, войдешь в парадное какое-нибудь; стихло - и опять идешь ... Навсегда осталось одним из самых резких воспоминаний о блокаде - эти банки с кашей и кусочки хлеба, эти драгоценные «запасы», бережно хранимые для матерей, сестёр и братьев, живших в городе и терпевших ещё большие лишения.

Голодали не только в самые страшные недели декабря 41-го - января 42-го. Вот что писал младший брат Лии Семен Левитан 15-го апреля 1942 года (встречаться приходилось редко, поэтому писали друг другу письма или оставляли записки на проходной госпиталя): «Неделя с 4 по 12 была страшной - голод, тюри из кипятка, соли и горчицы. ... За те дни

очень ослабли, особенно папа. ... Да, та неделя была вроде января - еды нет, дров нет ...» 16-тилетний подросток, он мечтает, чтобы взяли работать на завод: «Хорошо бы поступить! 1-я категория. И подкрепился бы, обедал там и домой бы мог приносить обеды. А главное хлеб - 500 гр! У нас бы было по 465 гр! Вот бы, мирово». Но мечта осталась мечтой.

Голод давал себя знать много лет. Уже и нормы увеличили, и давали утром большой кусок хлеба, а утерпеть было нельзя: пока не съешь весь - не встанешь, к обеду или ужину хлеба уже нет ... И когда война уже кончилась, ещё долго чувство голода не оставляло, всё казалось, что еды нехватает.

Иногда особенно ослабевших сестёр «кляли на отделение»: 11-е отделение было терапевтическое, и неделька отдыха и питания - как для раненых! - ставила на ноги. Но язвы от авитаминоза оставались на всю жизнь.

Бывали и другие осложнения: одна буфетчица вдруг совсем облысела ... Вообще сёстры стали такими худыми, что влезали в свои детские платья, оставшиеся дома в родительских шкафах. Большинство остриглись: какая страшная вещь - вшивость, и головная, и платьевая! Только Ира Рывкина сохранила длинные косы, и Броня Мордерер - волосы до плеч.

Работали в госпитале две сестры: Ида и Хая Замтфорт. Ида выжила, а Хая не встала с больничной койки (осложнение на сердце), и мы похоронили её на Пискаревском кладбище. На могиле её надпись: «Медсестра». А была она такая красивая: смуглая, с длинными косами, большими глазами, - на иллюстрациях к Библии рисуют таких.

...Ночь. Чуть светит, мигая, коптилка. Глухо ухают снаряды вдалеке. Никто к ним не прислушивается: к этой музыке привыкли. Мы сидим на посту. Замерзли чернила на столе, не гнутся от холода пальцы, холодно всему телу, несмотря на то, что мы в пальто и ушанках (поверх надет халат почти чёрного цвета - ведь его никогда не стирают). Лица наши закопчены и грязны ... Кто-то позвал, одна из нас встала, зажгла лучинку от огня коптилки и медленно пошла на зов, тяжело передвигая ноги в валенках. Вернулась, - и мы сидим опять, и так тихо, так холодно нам, так жутко, что невольно повторяешь в сотый раз: «Когда же это кончится? Долго ли нам ещё мучиться?»

Но никогда, даже в самые тяжёлые минуты, мы не сомневались в том, что придёт время - желанное время победы, что будет когда-то взята станция Мга, что будет прорвана проклятая блокада, что вернётся спокойная, счастливая жизнь. И об этом мы мечтали в самые страшные дни, в самые холодные ночи, об этом писали близким на фронт, об этом говорили с больными. Мы часто повторяли им: «Ещё много страшного впереди, ещё далека победа, но первый шаг к ней, первый поворот - тот, что каждый, вместе с тысячами других, будет делать здесь, на фронте».

Но для этого им нужно было сначала выздороветь. Самым важным из всех лекарств была в то время еда. Мы наблюдали за тем, чтобы больные получали ту норму, которую должны были получать. Некоторые старались обмануть, получить лишнюю порцию, другие были истощены до такой степени, что не могли съесть и того скудного пайка, который им давали. Уговорами и принуждением мы заставляли их есть. Бывало зачастую, что тяжёлый больной, тронутый

заботой сестры, совал ей в карман ломтик хлеба или пайку сахару, - ведь это было высшим выражением признательности, которую можно было оказать тогда. Но, сами вечно голодные, потому что последние крохи своего пайка мы отдавали близким людям в городе, мы никогда не брали этот хлеб - или брали и тут же отдавали другим больным: то, что принадлежало им, было священо для нас. Да и как мы могли относиться иначе, когда знали, что Ленинград отдавал госпиталям всё, что мог.

Чисто медицинская работа была связана с огромными трудностями. Нехватало самых необходимых вещей, например, градусников, и негде было их достать, негде было кипятить инструменты, сложные операции делали при свете фонаря «летучая мышь», для тяжелейшего больного порой было невозможно достать стакан горячего чая.

Да и чего греха таить, не всякая сестра постаралась бы его достать. Многие из нас выбились из сил, оступели, засыпали на посту, не в состоянии были спокойно и терпеливо разговаривать с больными. Это потом, вспоминая, мы шуточно изображали в стихах наше тогдашнее состояние:

Без халата и в ушанке,
В копоти и в саже вся,
Разогревшись у времянки,
Спит дежурная сестра.
Мы сердитые ходили
И ругались каждый час,
Только кончик носа мыли,
Да и то в неделю раз.

Но тогда нам было не смешно. Всё свободное время мы проводили в общежитиях. Истощенные и промерзшие от работы в отделениях, мы хотели только

одного: спать. В общежитиях было, конечно, холодно, и мы спали одетые, укрываясь, помимо своих одеял, всеми теплыми вещами подруг, дежуривших в то время.

Умывались мы далеко не каждый день. Для того, чтобы найти воду, надо было обойти весь госпиталь, да и не всякий владелец водопроводного крана разрешал мыться на своей территории. Например, в приёмном покое вода изредка была, а попасть туда было невозможно, так что зачастую мы махали рукой на мытьё, и слой грязи на наших руках и лицах становился всё толще. Мы тосковали о горячей воде. Вдруг прошёл слух: в приёмном покое появился горячий душ, две колонки, и под одной моются наши начальники. Нам тогда казалось, что они - старики, а было им, наверно, лет 30 - 40. Вторая колонка свободна. Был вечер, темно. Мы прокрались (босиком) в душ, открыли воду во второй колонке, моемся, не произнося ни звука, - и убегаем. За шумом воды начальники не услышали нас, а мы слышали их восторженные восклицания ...

Жестокое время диктовало суровые меры, да и людей делало более жёсткими. Никогда не было такого страха перед начальством и такого обилия наказаний, как в это время. Часто провинности, вызванные неопытностью или неумением, считались злостными и строго наказывались. Наряды буквально сыпались на сестёр. По наряду мы чистили уборные, убирали морг, работали в кочегарке, словом, делали самую тяжёлую и неприятную работу. Не пустовала и гауптвахта. Провинившиеся спали за решёткой и под замком, а в 6 часов утра «директор губы», гроза грешных младших медсестёр, уже упомянутый Лобанов поднимал их на

работу, сопровождая приказания окриками: «Пошевеливайся! Я тебя научу! Я тебя заставлю!..»

Повседневная тяжёлая работа, бомбёжки, холод и голод - это было ещё не всё, случались особые происшествия, ещё более усугублявшие тягости нашей жизни.

Однажды ночью в одном из отделений начался пожар. Пока его заметили и поднимали на ноги народ, всё помещение заволкло густым дымом. В палатах находились десятки лежащих больных. Дежурная сестра бросилась их спасать. Прибежали сёстры соседних отделений, услышавшие о несчастье. В противогазах они вбегали в палаты и выносили на носилках раненых. В это время уже спешила на помощь, забыв об усталости, отдохавшая смена. Ни один человек не погиб. После того как были вынесены все люди, стали выбрасывать во двор подушки, матрацы, всё ценное, что можно было спасти. А когда пожар был ликвидирован, какое зрелище представляли огромный, высокий коридор и смежные палаты! Закопчённые до самого потолка стены, обуглившиеся балки, доски, стёкла, хаотическое скопление вещей, толстый слой льда на всём полу...

Сколько сил и времени нужно было потратить, чтобы привести всё это в порядок! Но эта работа совпала уже с периодом всеобщей чистки и уборки, которая началась в госпитале.

Шёл март 1942-го года. В городе становилось заметно легче. По Ледовой дороге в Ленинград пошли машины с хлебом и крупой, увеличились продовольственные нормы. Стало теплее и светлее.

Люди выходили из своих чёрных квартир на весеннее солнышко. Слабые и опухшие от голода, они принялись за очистку дворов и улиц от снега, мусора и нечистот. Снова заблестели асфальтом широкие улицы и проспекты Ленинграда.

Такая же большая работа началась и у нас в госпитале. Трудно описать всё, что приходилось делать в то время! И почти вся эта работа легла на плечи сестёр. Мы скалывали топорами лёд на полу, лопатами выгребали нечистоты, большими корзинами выносили мусор. Ещё плохо слушались руки и ноги, с трудом удерживая тяжёлые тачки с глиной, песком, кирпичами, но мы работали упрямо и настойчиво. Огромную работу проделали в нашей котельной: установили три новых котла, сменили до трехсот батарей, много водопроводных труб. Ручным насосом накачивали воду в самые верхние этажи, чтобы заполнить водой всю отопительную систему. Установили и новые электромоторы. Теперь тепло, свет и вода в госпитале зависели не от городской подачи, а от собственной госпитальной подстанции. Вместе с кочегарами, монтажниками, водопроводчиками героями дня стали наши сёстры - Галя Киселёва, Тоня Капустина и другие, которых мы привыкли видеть в брюках, с клещами и молотками в руках.

Началась уборка палат. Мы ставили на столы стулья и ящики и длинными швабрами обметали копать с потолка, по высоким лестницам забирались наверх и щётками скребли стены, смывая зимнюю блокадную грязь. Кое-где белили стены и потолки. Из сестёр создали специальную команду маляров. Они переходили из отделения в отделение, деловито распоряжались, устанавливали свои насосы и работали как заправские мастера. И мы не сразу узнавали под

испачканными в мелу и красках комбинезонами своих товаров Люду Богданову или Любу Шувалову.

Госпиталь опять приобрёл если не нарядный, то более светлый и уютный вид. Остеклялись забитые фанерой окна, засверкал тёмнокрасным блеском паркет в огромных залах приёмного покоя; в палатах стало чисто, появившиеся санитарки вытирали пыль, - и это, такое обыденное занятие производило на нас такое торжественное впечатление: ведь так давно мы не видели этого! Такой же новой, обретенной радостью было для нас чистое бельё на постелях больных, собственные белые халаты, отбеленные после долгого лежания в хлорке.

Весной в госпитальном саду расцвела черёмуха. Ночная сестра собрала букеты и поставила на нескольких тумбочках в большой палате. Больные проснулись, - какая красота!

Однако чистить и убирать нужно было не только палаты, но и двор, и прилегающую улицу. Частенько, заснув после дежурства, бывали разбужены зычным голосом всё того же Лобанова: «Девушки, поднимайтесь на работу!» Если не действовал голос, то неумолимая рука энергично встряхивала одеяло, и мы шли скалывать лёд, свозить снег с улицы, очищать мусорную свалку на заднем дворе ... А потом - опять на дежурство.

Но и дежурства стали другими. Мы начали работать иначе: возвращение чистоты и порядка диктовало нам много нового. Мы поняли, что наше дело - следить за тем, чтобы больные не курили в палате и аккуратно заправляли койки; мы просматривали повязки и вовремя их подбинтовывали, чтобы промокший гноем бинт не запачкал белья; мы старательно перестилали постели лежачим больным.

Мы стали тщательно убирать свои аптечные шкафчики и проверяли их чистоту друг у друга; старались перещеголять своих соседок аккуратностью постовых тетрадей; более придирчиво принимали дежурство от сменщицы на посту и стремились безукоризненно выполнить все назначения. Словом, новые условия дисциплинировали нас, заставляли относиться более сознательно, более серьёзно к своему сестринскому труду.

Это как нельзя более пригодилось нам во время нового большого поступления раненых летом 1942-го года.

Работа госпиталя не всегда была одинаково напряжённой. Периоды массового поступления раненых сменялись периодами относительного затишья, когда выписка и эвакуация превышали поступление. Большое поступление всегда следовало за активными операциями на нашем фронте, и мы знали: если к нам сотня за сотней поступают раненые, - значит, скоро в газетах появится сообщение о боях на Волхове, на Синявинских высотах... И оттого, что каждое большое поступление совпадало с большими сражениями: с обороной Волховстроя в 1942-м году, с прорывом блокады в январе 1943-го, - нам каждый раз казалось: может быть, теперь разгромят фашистов под Ленинградом, отгонят от нашего города немецкую орду. И эта мысль придавала нам новые силы.

А сил нужно было много. Работать в периоды массового поступления приходилось, не считаясь ни с временем, ни с усталостью. В течение нескольких дней госпиталь заполнялся до отказа. Когда мест на

отделениях больше не было, разворачивалось сортировочное отделение. Работа в сортировке требовала быстроты и энергии. Сестре там приходилось, что называется, «разворачиваться». Состав больных менялся ежечасно, невозможно было запомнить ни лиц, ни фамилий. Как только освобождалось место в отделении, туда переводили наиболее тяжёлых больных. И если сестра на отделении медлила, то зачастую она не успевала перестелить койку после только что ушедшего больного, как ей приносили другого из сортировочного. А в сортировочное поступали тем временем уже свежие раненые из новой партии.

Периоды массового поступления отличались ещё и тем, что были перегружены все службы госпиталя и всего нехватало: белья, посуды, костылей, чая, газет, книг, порошков от кашля ... Но тяжелее всего было тогда, когда массовое поступление сопровождалось массовой эвакуацией. Тогда отделения становились похожи на только что описанное сортировочное, трудно было запомнить больных и привыкнуть к ним, а ещё труднее - хорошо обслужить их.

Как только прекращалось массовое поступление, становилось легче. Все наши усилия направлялись к тому, чтобы возможно скорее привести в транспортабельное состояние тех раненых, которые требовали эвакуации, и вылечить тех, которые должны пойти в часть. С каждым днём состояние больных улучшалось, и, если не было нового поступления, их становилось всё меньше и меньше. Иногда загрузка госпиталя была так невелика, что некоторые отделения совсем закрывались.

Но мы и тогда не бездельничали. Обыкновенно в это время происходила генеральная уборка

отделений, ремонт, заготовка дров. Освободившуюся группу медсестёр посылали на огород или в лесное хозяйство. В это же время с нами проводили военные, политические и медицинские занятия, тренировки по стрельбе, по ходьбе в противогазах, физкультурные состязания.

В общем, нам не приходилось скучать никогда. Мы всё время трудились, помня, что наш труд направлен к одному : скорее освободить Ленинград. И поэтому медали «За оборону Ленинграда», которые нам вручили 15 июля 1943 года, были для нас особенно дорогой наградой. Вручение медалей происходило в торжественной, праздничной обстановке. Мы радостно прикалывали к груди нашу скромную награду на зелёной муаровой ленте и с гордостью читали слова в удостоверении к ней: «За участие в героической обороне Ленинграда». Вспоминалась суровая блокада, страшная зима 1941-42 года, всё тяжелое, что мы пережили. Да, это была действительно героическая оборона. И она всё ещё продолжалась. Город оставался фронтом. Продолжались бомбёжки и обстрелы.

По сигналу «Воздушная тревога» весь госпиталь поднимался на ноги. Усталые от дежурства, только что уснувшие, мы вскакивали с постели и бежали на отделение. Там уже знали свои места: одни шли дежурить на чердаки и лестницы, другие собирали и уносили истории болезни, а большинство поднимало больных и сопровождало их в бомбоубежище. Приходилось быть непреклонными и стягивать одеяла, несмотря на просьбы и недовольство. Мы полностью отдавали себе отчет в том, что от нашей быстроты и решительности зависит жизнь многих людей, и старались выполнять свои обязанности чётко, без суеты и разговоров.

Так же спокойно и деловито держались те, которые стояли на крыше. Мы внимательно осматривали всё кругом, следя за падающими вокруг бомбами, и не показывали тем, кто был рядом, своей тревоги, хотя не раз сердце в груди сжималось от страха.

Бомбёжки и обстрелы были моментами наивысшего напряжения. Тревоги изматывали нас до последней степени. Иногда за ночь приходилось подниматься по 5 - 6 раз и после бессонной ночи снова идти на работу. Обстрелы были ещё продолжительнее и страшнее бомбёжек. Казалось, что от них труднее спастись. Сначала раздавался свист снарядов и грохот разрывов, а потом уже тревожный голос диктора : «Внимание! Внимание! Район подвергается артиллерийскому обстрелу ...» Приходилось призывать всю свою выдержку и смелость, чтобы не только не растеряться самим, но и успокоить других. Больные нервничали: ведь многие из них не могли сдвинуться с места, и все они говорили, что на поле боя им было легче, чем сидеть здесь и ждать - попадёт или не попадёт снаряд.

А снаряды время от времени попадали. Однажды осколком оторвало угол нашего здания. В палату посыпались кирпичи, штукатурка, балки. Раздались крики и стоны. К счастью, всё обошлось благополучно, отделались лёгкими царапинами и ушибами. В другой раз снаряд пробил крышу, потолок и пол верхнего этажа и застрял в перекрытиях, не разорвавшись. Мы поспешно перенесли больных в другой конец здания, оцепили угрожающее место и вызвали сапёров, которые обезвредили снаряд. Тогда ещё ходили слухи, что в неразорвавшихся снарядах находят записки от немецких рабочих с выражением

сочувствия ленинградцам. Но, как бы нам ни хотелось найти в нашем снаряде такую записку, её там не было.

9-го августа снаряд разорвался на центральном дворе госпиталя. Осколками были убиты трое наших работников, несколько человек ранено. Тяжело ранены были наша лучшая лаборантка, общая любимица Валя Морозова, пропагандист старший лейтенант Чернов и политрук Шапиро. Погибли Таня Осипова и прекрасная перевязочная сестра 2-го отделения Саша Ходюк. Нас особенно поразило, что незадолго до этого дня она получила письмо от матери из эвакуации, - в конверте лежал засушенный цветок. Этот цветок мы положили на её могилу. Вале Морозовой снарядом оторвало ногу. Она долго лечилась, лежала в нашем же госпитале, а потом вернулась к своим обязанностям. Шапиро умер от ран.

К концу 1943 года стало ясно, что готовится наше большое наступление под Ленинградом. Госпиталь должен был подготовиться к большому наплыву раненых. Командование провело совещание всего персонала. Мы решали, как лучше подготовиться, высвободить как можно больше мест, организовать бесперебойную работу, подменять друг друга на разных постах, овладеть смежными профессиями. Были созданы специальные хирургические бригады для работы при массовом потоке раненых, бригады по переливанию крови. На отделениях проверяли медицинский инвентарь, приводили в порядок бельё, пересчитывали тапочки.

Все в городе ждали больших событий. Чувствовалось, что пришла долгожданная пора, что скоро немцы будут отогнаны от Ленинграда. К началу 1944 года ожидание перешло в уверенность, в нетерпение, спрашивали друг друга: «Скоро ли, когда же?» И вот памятным утром 15-го января мы услышали далёкий грохот. Он нарастал; ещё никогда мы не слышали такой канонады. И все поняли, что это значит. Орудия бушевали, и мы с замиранием сердца прислушивались, и в этом громе нам слышалось торжество освободителей нашего города!

В тот же день вечером привезли первую партию раненых - прямо с поля боя, в касках, наспех перевязанных. Они тут же в приёмном, в операционных и перевязочных, сквозь стоны рассказывали об успехе нашего наступления. На другой день раненые прибывали уже сплошным потоком. Не успевали выгрузить одну машину, как во двор въезжала другая. Вся подготовленная система пошла в ход. Хирургические бригады всё время работали в центральной перевязочной при приёмно-сортировочном отделении. Ни один больной не прошёл на отделение без перевязки, без первичной обработки раны; если нужно, тут же делались операции, извлекались инородные тела, накладывались гипсы. Работа шла быстро, но раненых было так много, что им приходилось ждать очереди на перевязку, лёжа в сортировочной палате. Тяжелее всего было во 2-м отделении, куда поступали раненные в живот. Почти все в тяжелом состоянии, они подолгу ждали своей очереди, потому что многим приходилось делать сложные операции. Среди них были и такие, которых уже нельзя было спасти. Ведь фронт за несколько дней далеко отошёл от Ленинграда, и их везли к нам

слишком долго. Много смертей мы видели в это время, хотя в каждом случае делали всё, что могли.

Такой загрузки, как в это время, в январе 1944 года, у нас не было ещё никогда. Под палаты были заняты столовые, коридоры, всякие полутёмные переходные помещения. Нехватало коек, несмотря на то, что мы даже из своих общежитий принесли половину кроватей, приходилось ставить носилки. Беспреданно слышались зовы, стоны, просьбы. Мы в это время разучились ходить, только бегали: бегом в перевязочную, за больным - бегом, от одного больного к другому - бегом, в соседние палаты за лекарством ... А между тем многие больные требовали тщательного наблюдения и щепетильного выполнения сложных назначений: сифонных клизм, частых перевязок, дачи кислорода, промывания дренажей, наблюдения за пульсом, капельных клизм. Почти все были лежачие, и очень много приходилось носить на носилках: на рентген, в баню, на перевязку. Сложным делом было кормление: надо и разносить обед, и кормить с ложечки тяжелобольных, словом, надо одновременно выполнить несколько дел; и не раз сёстры восклицали: «Почему у меня только две руки! Хотя бы ещё одна была!»

Приходилось разворачиваться во всю силу и ещё немножко... И мы разворачивались: после дежурства в палатах и перевязочных шли в операционные и работали в бригадах - Колганова, Осокина, Левитан, Петрулис, Мордерер, Киселева и другие, из перевязочных шли в палаты, где было особенно тяжело, и помогали сестре на посту - Рабичева, Красильникова и другие. Только такая самоотверженная и слаженная работа привела к тому, что волна поступления быстро схлынула. Можно было убрать

лишние койки и поставить опять в палатах столы с цветами и шахматные столики. Легче стало дышать и работать. Напряженная, часто суматошная беготня сменилась размеренной, методичной работой, и мы могли спокойно выполнять свои обычные, малозначительные на первый взгляд, но многосторонне важные обязанности сестры.

Госпиталь наш был госпиталем тяжёлого профиля. Большинство раненых поступало на носилках, первое время они были почти беспомощными и требовали самого внимательного и тщательного ухода. Тяжело раненные в живот, с каловыми свищами, которых нужно было перевязывать каждые полчаса, больные с ампутированными руками и ногами, угнетенные и беспомощные, задыхающиеся раненные в грудь с пневмотораксами и гемотораксами, тяжелобольные сердечники-пневмоники - сколько их прошло через наши руки! Как часто хирург, снимая перчатки после операции, говорил сестре, пришедшей за больным: «Ну, теперь только уход и уход!» или спрашивал её: «Как, выходим больного?» И сестра отвечала: «Выходим!»

И выхаживали - выхаживали не только тем, что вовремя давали лекарства и делали уколы, а ещё больше тем, что всё время держали больного под неусыпным сестринским наблюдением.

Был среди наших лежачих больных Шаршнёв, раненный в кишечник. У него всё время выделялся кал, и надо было его каждые полчаса перевязывать. Парень был молодой, симпатичный, и то, что молоденькие девочки делают эту грязную работу, его

очень стесняло. И поэтому он ругался, ругался неудержимо, нестерпимо, а мы - что ж? - мы делали своё дело, не реагируя на его выражения. Прошло время, Шаршнёв выписался, и вдруг Левитан вызывают на проходную: «Сестра Лиля, выходите, мы идем с Вами в загс». Оказывается, он решил, что у него будет очень терпеливая жена...

Ещё об одной трогательной истории рассказали «сестре Лиле» ее пациенты, а она написала об этом маме: «В маленькой палатке - там лежат тяжелые - на днях шел жестокий спор: замужем я или нет, а если нет, то как могли такую девушку проглядеть, и надо сообща найти жениха, обязательно особенно хорошего ... Чудаки мои!»

В 1943 - 1944 годах мы были уже опытными сёстрами и научились подмечать малейшие изменения в состоянии больного, видеть, спит он или не спит, хотя лежит с закрытыми глазами, как он ест, легче ли стали боли; мы научились отличать глубокое дыхание от поверхностного, слышать появившийся хрип, мы видели изменения в цвете лица, замечали, правильно ли лежит повязка. Мы первыми замечали грозные признаки, заставлявшие опасаться за жизнь больного. Уж не говоря о кровотечениях, которые встречались довольно часто в нашей практике, мы научились отмечать вещи, которые трудно заметить с первого взгляда. Привезли как-то больного с гипсом на ноге. Он начал вдруг очень беспокоиться, кричать, жаловаться на боли. И сестра заметила, как синеют и холодеют его пальцы, выступавшие из-под гипса. Она позвала врача, больному срочно сняли гипс и сделали операцию. Другая сестра однажды ночью заметила, что больной, страдавший почками, с каждым часом всё

больше опухает и расплывается. Она подняла тревогу, ему сделали кровопускание и его жизнь была спасена.

Когда врач отсутствовал, мы сами подрезали гипсы, ослабляли повязки, делали уколы, принимали срочные меры, если состояние больного ухудшалось. И скольким мы спасли жизнь только внимательным и тщательным, каждодневным уходом! Они долго будут помнить нас, а нам трудно забыть их. Вот, например, один из таких больных. Совсем ещё мальчик, он, когда лежал на спине, закрыв глаза (а лежал он так почти всегда), напоминал своим неподвижным иссохшим телом и зострившимся желтоватым лицом мумию. Шёл месяц за месяцем, почти весь состав палаты переменился, а он лежал всё на том же месте, и в списке тяжелобольных попрежнему первой стояла его фамилия: «Мнацаканян, слепое осколочное ранение позвоночника с повреждением спинного мозга» ... Он не мог двинуть ногой, не мог вытереть руки, не мог повернуть голову - и только косил чёрными глазами в сторону сестры и просил тихим голосом: «Согни мне ножки в коленях, пусть они отдохнут!» или: «Опусти ножки, устал!» Он был так слаб, что нам временами казалось: не дышит! - и мы подбегали, ловили ухом еле слышное дыхание. Мы переворачивали его на живот, чтобы не было пролежней на исхудавшем теле, кормили с ложечки, вытирали крупные капли пота, катившиеся от боли по его лицу, перестилали, мыли, поили горячим чаем, ласково успокаивали, а он лежал, смежив глаза под длинными ресницами, отмахивался от лекарства, казалось, совершенно не замечал, что около него меняются люди, что к нему подходят разные сёстры.

Таких больных за четыре года было много. И сколько огромных терпеливых усилий надо было

приложить, чтобы их глаза открывались, чтобы они научились улыбаться, а затем сидеть и ходить. Самым радостным, а в то же время и грустным моментом было провожать вставшего на ноги больного на фронт или в тыл - на «большую землю». Мы тепло жали им руки, долго махали вслед - и возвращались в палаты, где нас ждали раненые, которые тоже скоро уйдут от нас, твёрдыми шагами, с улыбкой на лице, со словом тёплой благодарности.

Мы выработали, каждая для себя, систему работы в палате. Как бы много ни было больных, мы каждое утро, придя на дежурство, обходили все свои палаты. В это время мы перестилали постели лежачим, приводили в порядок прикроватные столики, знакомились с теми, кто поступил за ночь. Мы замечали в это время, как лежит гипс, не промокла ли повязка, отмечали про себя все изменения, которые произошли за время нашего отсутствия. У нас создавалось полное представление о всех больных, и при обходе с врачом мы могли уже обращать его внимание на тех, с кем произошли какие-то изменения.

Мы приобрели необходимую ловкость и сноровку, мы ухитрялись одной рукой подавать пить, а другой в это время поправлять постель, перевязывать одного больного и успокаивать другого, успевали ставить банки и делать уколы в одной палате, пока в другой стоят градусники. Огромную помощь нам оказывали выздоравливающие. Сначала странно было видеть, как больной в халате колет дрова или подметает палату, но потом мы привыкли к тому, что больные носят своих товарищей на перевязку, помогают раздавать пищу, работают в перевязочной, расчерчивают температурные листы. Такие помощники, как Василий Семёнов, Геннадий Комкин, Василий

Евстигнеев, Василий Паршин, Вакуленков, Федя Гридяков, были кладом для сестёр. Они переживали интересы своей палаты, своего отделения как свои собственные, и им выносили благодарность в приказах командования наравне со штатными работниками.

Работа в палате тяжелораненых требовала от сестры особенного терпения и выдержки, умения не раздражать больного, не противоречить ему и вместе с тем провести всё, что нужно. Нужно, например, вымыть больного. Кладёшь его на носилки и начинаешь мыть. Конечно, все усилия прилагаешь к тому, чтобы как можно меньше беспокоить его. Но ему всё-таки больно, и он кричит, ругается, браня сестру и всех окружающих. Соседи не выдерживают: «Брось, сестра, с ним возиться, с неблагодарным!» Но сестра не может бросить, она продолжает свое дело ещё более терпеливо и аккуратно. И когда больной лежит чистый на чистой постели, он сам извиняется.

Часто приходилось преодолевать недоверие к медицинскому персоналу, даже неприязнь. Был у нас больной Владимиров, тяжело раненный в грудную клетку. У него было два кровотечения, и он считал, что жизнь его кончена. Он ненавидел всех окружающих и буквально рычал на каждого, кто подходил к нему в белом халате, будь то санитарка или начальник отделения. После второго кровотечения ему удалили осколок из лёгкого, и он стал быстро поправляться. Но и после этого он долго оставался мрачным, раздражительным, и много нужно было терпения и ласки, чтобы он перестал огрызаться и начал миролюбиво разговаривать с нами.

Очень нервировал и утомлял крик больных. В период большой загрузки это было обычным явлением. Крик «Сестра, сестра!» доносился с разных сторон, из

нескольких уст одновременно. Но мы быстро заметили, что в палатах, где работала более внимательная и заботливая сестра, крику было меньше. Больным там не приходилось звать по несколько раз, ворчать и раздражаться. Поэтому у нас возникло правило: откликаться на каждый зов. Если занята, не можешь тотчас подойти, - всё равно, надо сразу ответить, что слышала просьбу, что сейчас подойдешь, чтобы человек всегда чувствовал, что о нём помнят, думают, стараются ему помочь.

Подчас это было очень трудно. Ведь сестра - ближе всех к больному, поэтому он обращается к ней с самыми разнообразными вопросами, просьбами и требованиями. Невкусный обед, рваная рубашка, редко ходит библиотekarь, холодно в палате, почему сегодня нет сводки, - за всё это больной спрашивал с сестры. И чтобы выяснить такие вопросы, удовлетворить такие требования, нам приходилось делать много того, что очень далеко отстояло от непосредственной нашей медицинской работы.

Мы говорили всё время о работе сестры хорошей, внимательной. Конечно, не все были такими. Некоторые сёстры относились к своим обязанностям формально: они только измеряли температуру, раздавали лекарства и делали перевязки, а духовную сторону работы сводили к простой болтовне и лёгкому флирту. Но больные всегда чувствовали это и чутко реагировали. У одной сестры появилось прозвище «Ни с чем пирожок». Когда она приходила в палату, не заметно было никакого оживления. А появление другой приветствовалось радостными возгласами: «Здравствуй, сестрёнка!», её хором провожали: «Приходи завтра!» И её действительно ждали, потому что хорошая, заботливая сестра точно луч света вносит с собой в

палату. Мы понимали это, и для нас ничего не могло быть приятнее, чем сознание, что больные нас ждут, любят, любят не только за уход и помощь, но и за ласковое слово.

Мы поняли за годы работы, что сестра, как артистка, должна оставлять своё настроение за порогом палаты. Она обязана быть приветливой, внимательной, всем своим видом внушать больному бодрость и спокойствие. Именно так старались мы поступать, особенно по отношению к тяжело раненым, с угнетенной психикой. И потому среди сотен писем, которые мы получали от наших бывших пациентов, так много благодарности не только за возвращение здоровья, но и за подлинно сестринское чуткое отношение.

«Много значит умело обходиться с больным и ещё более того найти такую струнку в напряжённых, наболевших нервах человека, чтобы он хоть на минуту забыл свое тяжёлое положение... Ты умела находить эту струнку, и я становился весёлым и разговорчивым», - писал один из них. Другой подчёркивал то же: «Твоя забота и ласка по меньшей мере равна действию всех лекарств и операций. Ты помогла удержать в беспомощном и слабом теле дух уверенности и победы...»

Много таких писем получали Катя Киселёва, Лиля Разумовская и многие другие.

А вот какую заметку в стенгазету написал раненый Локтионов (сохраняем авторскую орфографию):

«Драгоценная Забота о Воинах Кр. Арм.

Сестра Лия Ливитан ... Невидно - буквально чтобы эта сестра в процессе своей работы уделила бы Одну минуту для Себя. Или в пустую. Как заводная машина; в ней в палате Дышется порядок, точность

закон для себя и Б-х. ... Мне в жизни не пришлось видеть, хотя и прожил достаточно 45 л. ... Если Больной обратился с просьбой к ней, не пройдет одной минуты и Б-й доволен. В отлучке Няня она берет на себя тяжесть где ей не положено как Сестре; не брезгуя буквально работой а только живет для больного б-му Великая радость он не оставлен без внимания без присмотра, она не отвлечена на Пустые разговорчики А поглащена всей душой и телом сердцем Окунулось в заботу о жизни бойца раненого полностью; ... Знает ли Адм-я госпиталя ... Что есть у нас люди достойные Благодарности, уважения и поощрения как Сестра Лия Леветан.

От ранено больного Кр. Бойца 1 палата 2 отд.
Апрель 28 дня 1943 г. Локтионов».

В письмах бывших наших пациентов были не только благодарности за внимание и заботу. У многих медсестер завязалась дружеская переписка с вернувшимися в строй бойцами и офицерами. Они передавали приветы друзьям, ещё лечившимся в госпитале, рассказывали о своих фронтовых делах и впечатлениях. Из этих писем мы узнавали много такого, о чем не писали в газетах и не говорили по радио. Вот, например, что писал Лии Левитан Евгений Клохтин:

«30 апреля 1944 г.

Гитлер хотел остановиться сначала на Днепре, потом на Буге. Теперь он хочет сбросить нас в Днестр. В газетах скромное сообщение: «На фронтах существенных изменений не произошло». Если бы ты знала, какое огромное напряжение сил скрывается за

этими, на первый взгляд, ничего не значащими словами. На нашем участке - это мясорубка с обеих сторон. Последний клочок Украины, еще одно усилие воли солдат, и немцы перестанут произносить имя этой республики. Еще недавно мы ругали украинцев. Теперь мы у молдаван. Как тепло мы вспоминаем об украинских селах. Здесь, за Днестром, красивее, чем позади, но люди ... Эх, и сволочи! Они, не стеснясь, заявляют, что при немцах им было лучше, чем теперь. Есть приказ, по которому всякое проявление неприязни к населению будет строго караться, а то бы мы им ...»

« 22 сентября 1944 года.

... жду письма каждый день. А после нынешних событий так хочется знать о настроении и жизни тыла, как никогда. Можешь себе представить, как радостно встречали нас болгары. На время мы забыли все наши горести и заботы, целиком отдавшись волнующей встрече. ... Мы только что закончили «поджаривать» фрицев в очередном «котле», как нас перебросили сюда. И вот после жестоких боев, фонтанов земли и воя осколков наших солдат засыпали розы и георгины. Как родных, встретила нас Болгария. Запуганные немцами румынки прятались от нас, и только когда побывают наши части в селе, перестают бояться «большевиков». В Болгарии коммунисты не забыли своей роли. И после долгого пребывания в Румынии, мы первый раз увидели залитое радостью лицо девушки. В одном селе машина наша оторвалась от колонны, нас остановил старик с хлебом-солью. Машину моментально окружили и дети, и старики, и мужчины, и женщины. Старухи плачут. Нам жмут руки, суют папиросы, вино, виноград; несколько девочек оборвали маскировочные ветви с машины и на

их место воткнули цветы. Не помню, как нам удалось уехать.

В городе Ш. коммунисты захватили власть. Полицию и армию разоружили; рабочие и школьники организовали «красную милицию». Стоило только подать команду: «Даешь Советскую власть!» - и Болгария стала бы Советской».

«29 ноября 1944 года.

Румыния, Болгария уже позади. Привет из Венгрии! ... 3-й Украинский перешел сегодня в наступление в районе слияния рек Дравы и Дуная. Я думаю, что к Новому году, т. е. к тому моменту, когда ты получишь это письмо, Венгрия перестанет быть союзницей Германии и темп наступления тогда еще более возрастет. Поздравляю со счастливым Новым Годом, который принесет победную весть через репродукторы Советского Союза и Объединенных Наций. ... В Европе будет Новый порядок в полном смысле этого слова, порядок - прогресса, а не агрессии. ...

Теперь, когда мы перешли на территорию противника, я понял еще лучше, как трудно сдерживать ненависть к врагу. Хочется плакать, когда видишь, что мадьярки режут из-за царапины на стенке дома и бегут жаловаться офицеру на солдата, который запачкал пол в квартире грязными сапогами. Где на Украине найти дом с царапкой? Где на Украине найти дом без грязи с солдатских сапог? Там нет домов, там нет целых сел! Они не сгорели, их сожгли. И эти проклятые мадьяры зверствовали хуже немцев. В карательных отрядах - эсэсовцы и мадьяры. Они вешали, убивали, насиловали, поджигали, - они уничтожали. А вот кусочек завоеванной нами Венгрии.

Небольшой, чистенький город. Редко встретится дом с разбитыми стеклами. Жители, первые дни боявшиеся коммунистов, ходят по улицам свободнее, чем при «охране порядка» венгерской полицией. Девушки и женщины, прятаясь в подвалах, сами задевают наших солдат и офицеров. Для них большое счастье постоять и поговорить с русским, хотя объясняться приходится знаками и смехом, который означает, что собеседники довольны друг другом. Для нас бани, парикмахерские и магазины стали работать лучше, чем при немцах. Да и вполне понятно. Если баня стоит 80 филлеров (1 пеньго - 100 филлеров), мы платим 5-10 пеньго. Для нас это ничего не составляет. И хозяева остаются больше, чем довольны. И каждый день нас спрашивают: «Будапешт капут?» И когда мы говорим, что скоро «капнут», но не Будапешту, а немцам, они говорят «Ёу» - т. е. хорошо. Между прочим, в городе, где мы сейчас находимся, работает Горком партии и комсомола - это влияние войск маршала Тито. Нормально работают школы. Трудно мадьярам быть недовольными нашей армией. ...

Только «сверх-люди» из «Великой Германии» могли топтать детей и жечь школы, убивать стариков и насиловать женщин и девочек. И вот они, идут в тыл, пленные. Одни понуриив головы, - видимо, сознают натворенные преступления, другие с глупой, пустой улыбкой, - это конченные бандиты, отупелые, бесчувственные скоты. Они удивленно смотрят, что рядом с нашими бойцами стоят мадьяры, мадьярки, и мы их не только не трогаем, но еще и вместе радуемся очередной победе наших войск. Они отнимали жизнь у честных советских людей, а мы дарим им жизнь только потому, что поднятые вверх

руки означают прекращение сопротивления, а мы не воюем с беззащитными ...

На эту тему можно много говорить и не переговоришь, - столько насвинячили фрицы».

« 9 января 1945 года.

... когда попал на Украинский фронт, увидел такую тяжелую картину, какой не видел в блокаде. ... Я не могу забыть, как плакал молодой парнишка-танкист на румынской границе. Он лежал на обгоревшей тридцатьчетверке и рыдал. Мы подошли к нему. «Что плачешь?» «У меня убили мать, батьку, братьев ... Немцы... И Верку...А она сгорела». ...Недавно мы опять встретили его. Он нас не узнал. Команда «По машинам!» вырчила хлопца. Сейчас наши части идут рядом.

Лия, если ты будешь на фронте, поймешь многое из того, что тебе непонятно сейчас».

« 4 мая 1945 года.

Не так уж красочна фронтовая жизнь, какой представляла ты ее по газетам и рассказам. Корреспонденты прикрашивают, чтобы получить гонорар побольше; рассказчики - чтобы выставить себя героями. Все это понятно и довольно глупо.

Тебе казалось, что к фронтовой девушке больше уважения, чем к работнице тылового госпиталя. Оказывается, наоборот. Не удивляйся, заслужили этого наши фронтовички. Не даром их стали называть ППЖ, ППД и т. д. Ведь грубые шутки не родятся сами собой. Если ребята матерятся в 25 этажей, то девушки «молятся» так, что молитвы их поднимаются до небес и даже до самого бога. ...

Ну, об этом еще, вероятно, много будут говорить после войны».

Мы старались быть сёстрами в самом широком и лучшем смысле этого слова. Работа наша в палате была разнообразна и многогранна. Мы были не только медицинскими сёстрами в узком, профессиональном смысле этого слова, - мы были подругами, советчицами, агитаторами.

Мы должны были быть всё время начеку, так как больные всё время задавали нам самые разнообразные вопросы и всегда были уверены, что получат полный и исчерпывающий ответ. Они спрашивали, какую лучше взять книгу в библиотеке, как написать жене о ранении, что значат встретившиеся в газете слова. Нередко они рассказывали нам о своих семейных делах и совершенно серьёзно просили совета. Утром, давая градусник больному, мы знали, что он задаст привычный вопрос: «Сестра, какой город сегодня взяли?» - и всегда были готовы на него ответить.

Мы были призваны лечить людей не только физически, но и духовно. Часто раненые прибывали раздражительными и нетерпеливыми, готовыми ругать всех подряд. Они кричали нам: «Вы здесь окопались, живете хорошо, а мы там на фронте...» И мы спокойно объясняли им положение вещей, рассказывали о трудностях блокады, о наших братьях, отцах и любимых, которые были на фронте или в госпитале, - и это производило желанное действие. Помогало и воздействие коллектива. Бывало, что больной был всем недоволен, кричал, нервничал, требовал установить

свои порядки. Но, видя неодобрение всей палаты, постепенно утихал, успокаивался и часто делался нашим лучшим помощником.

Сколько приходилось слышать рассказов о медсёстрах аморальных, непутёвых, заводивших лёгкие романы с больными! У нас не было этого: сёстрами были студентки, понятия о жизни были у них серьёзные. Наши пациенты за нами ухаживали: как не ухаживать, после фронтовых будней - столько молоденьких хорошеньких девочек! И романы были, и переписка, и замужества, но не было легкомысленных флиртов. Та же Ира Рывкина умудрилась отстать от эшелона, когда мы ехали в Германию. Двое суток её не было, добиралась разными поездами, в том числе воинскими. Наконец, счастливая, добралась. Смотрим - у неё пальцы в колечках: медные, конечно, но красивые. «Откуда это?» - спрашиваем. «Да вот ребята ухаживали, такие хорошие ребята попались, я стихи им читала (Ира прекрасно читала стихи), вот они и подарили. Не знаю только, как Лёшке рассказать. (Ира недавно вышла замуж за нашего раненого, который лежал в офицерской палате). Не помешало бы это нашей горячей встрече!»

После войны некоторые из наших студенток пошли в медицинский институт, оставили свою прежнюю специальность. Но большинство вернулось к филологии: русская литература, славянские языки, иностранные языки, восточная филология...

Больные, привыкнув к присутствию сестры в палате, часто высказывали свои затаённые взгляды на жизнь, на войну. Иногда нам приходилось слышать, как те, кто поступили из запасных полков или недолго пробыли на фронте, говорили: «А правда ли, что немцы - такие звери, что они убивают женщин и

детей?» Мы считали своим долгом вмешаться в такой разговор, привести факты, прочесть статьи, рассказывающие о зверствах фашистов. Не раз нам приходилось пресекать антисемитские и другие нехорошие настроения.

Сильным средством воздействия на коллектив была стенная печать. Через газету мы боролись с нарушителями госпитального порядка, прививали культурно-гигиенические навыки, высмеивали лентяев. Мы старались сделать газету красивой и привлекающей внимание. Для этого использовался самый разнообразный материал: письма бойцов, стихи, дружеские шаржи, шутливые карикатуры... И наивысшей радостью для нас было, когда больные толпились у газеты, когда они спрашивали: «А скоро ли выйдет следующий номер?» Каждый номер посвящался определенной теме, например, «Героини Ленинграда», «Госпиталь во время блокады» и т. д. В каждом номере всегда был юмористический отдел. К примеру, больной перед выпиской отказался нам помогать, ссылаясь на плохое самочувствие; в газете все читают:

Мы товарища просили
Чтоб в работе нам помог.
«Что вы, я так слабосилен, -
Он вскричал, - совсем я плох!
У меня болит нога,
Не натянешь сапога,
И в груди мне колет что-то,
И живот болит чего-то,
Я больной, я не в себе».
Завтра ж он пошёл в БВ...

(БВ - батальон выздоравливающих).

Во время тревоги больной прячется под кровать, чтобы не идти в бомбоубежище, - в газете появляются стихи:

Как-то однажды во время тревоги
Из-под кровати вылезли ноги.
Мы испугались, мы закричали
И за врачами тотчас побежали.
Наш ординатор к кровати подходит,
Смотрит и что же - больного находит:
Чтобы ему не мешали спать,
Он постарался залезть под кровать...

Воздействовали в газете не только на больных, но и на работников госпиталя. Если, например, в общежитии бывало грязно и никто не хотел убирать, в газете появлялась яркая картинка, сопровождаемая строками:

Познакомиться хотите,
Как живем мы в общежитьи?
Правду всю откроем,
Ничего не скроем:
Подметать и мыть полы
Любим мы по праздникам,
Ну, а в будничные дни
Здесь довольно грязненько...

Бывало, сестра засыпала на посту; в газете появлялась карикатура, в которой виновница узнавала себя, а под ней подпись:

У окна, в седьмой палате
Стол сестринский знаменит,
Там Васильева в халате
Днём и ночью сидя спит...

Случалось, что сестра разрешала больному самому брать лекарства из шкафа. Сейчас же появлялся рисунок: за столом, скрестив руки на груди

и улыбаясь, сидит сестра; у раскрытого шкафа - давка, больные вырывают друг у друга бутылки с надписью «Рыбий жир», «Хлористый кальций» и т.д. И стихи:

Рыбий жир в шкафу стоит,
А сестрица говорит:
- Подойди, возьми, больной,
Право, некогда, родной.

Предлагаю все лекарства
Дать больным, чтоб без мытарства
Брали сами всё подряд,
Так удобней во сто крат.

Так как всё-таки газеты выходили не очень часто, то на 11-м отделении стали выпускать юмористический стенной журнал «Давайте не будем»; он выходил сразу же после того как что-нибудь случилось. Здесь отражалось всё: и поиски историй болезни, и противогаз сестры, набитый всякими посторонними вещами...

Устраивались общегоспитальные выставки газет, проводились конкурсы на лучший номер газеты. Напряжённая борьба за первенство шла между 2-м и 11-м отделениями, но всё-таки 2-е отделение заняло первое место.

Раз в неделю выпускались «Боевые листки», часто устраивались выставки, например, «Ленинград в дни Отечественной войны», «В логове врага», «Владимир Маяковский», «Творчество И. А. Крылова».

Одной из форм работы с больными было шефство над палатами. Сестра старалась сделать свою подшефную палату уютной и красивой: добывали яркие лампочки, занавески, скатерти, покупали домино, шашки, шахматы, устраивали в палате музыкальные вечера, читали газеты, журналы, книги. Читали сказки

Пушкина и отрывки из «Войны и мира» Толстого, «Как закалялась сталь» Островского и «Радугу» Ванды Василевской, «Дни и ночи» Симонова, «Непокорённые» Горбатова, «Они сражались за Родину» Шолохова... После чтения обычно обсуждали прочитанное. Отдохнув несколько часов после суточного дежурства, мы приходили в свои подшефные палаты, чтобы почитать вслух, написать письма или просто побеседовать с больными.

Не ограничиваясь чтением вслух, мы делали доклады на литературные, исторические и общеполитические темы. Мы рассказывали о Маяковском и Симонове, о Лермонтове и Горьком, о Пушкине и Крылове. Была поставлена серия докладов о Ленинграде («Ленинград - центр науки и культуры», «Ленинград - город-герой»), о великих предках - Александре Невском, Дмитрие Донском, Минине и Пожарском. Множество докладов было посвящено 25-й годовщине ВЛКСМ: «Герои Краснодона», «Героический комсомол в Отечественной войне», «Зоя Космодемьянская», «Александр Матросов» ... Не будем перечислять все, скажем только, что их было очень много, что мы готовились к ним с охотой, с любовью и проводили их хорошо. По общему мнению, лучшими докладчиками, известными всему госпиталю, были Лида Кутина, Лия Левитан, Лиля Разумовская. Заметим, что больные, выслушав интересный доклад, с ещё большим уважением смотрели на сестру.

Нередко мы устраивали вечера по обмену воинским опытом; собирались бывалые бойцы и офицеры и рассказывали боевые эпизоды. Не раз участниками таких вечеров были и партизаны Ленинградской области.

Не успевая делать всё сами, мы привлекали к работе лежавших в госпитале бойцов и офицеров. Они, как правило, охотно соглашались и очень хорошо нам помогали: проводили политинформации, читали вслух газеты, делали политические доклады, принимали участие в выпуске газет.

Могучим звеном нашей культурно-массовой работы была самодеятельность. Возникла она стихийно в общежитиях и отделениях. Сначала это были частушки, сочиненные кем-нибудь из госпитальных поэтов, танцы собственного сочинения... Потом из отдельных выступлений выросли грандиозные госпитальные концерты. Появились артисты, знаменитые на весь госпиталь: художественное чтение Ирины Рывкиной, танцы Наташи Маркиной, русские песни Веры Олесич встречались всегда бурными аплодисментами. По заслугам ценили и руководителя нашей самодеятельности младшего лейтенанта Нину Гавриловну Качановскую. Самодеятельные артисты отдавали искусству все силы, - а их, увы, было мало: как-то после исполнения гопака Нонна Норман, наш прекрасный комсорг, за сценой упала в обморок...

Для того, чтобы делать доклады, читать стихи и отвечать на все вопросы наших пациентов, нужно было самим много учиться. Конечно, это делали далеко не все медицинские сёстры. Среди нас были и девушки, которые мало интересовались общественной жизнью, международными событиями, которые ничего не читали и не хотели читать. Таких людей мы старались привлекать к общественной работе, давали поручения, учили делать политинформации и небольшие доклады, вместе готовились к политзанятиям. Занимались мы обычно в общежитии, в котором вообще протекало всё наше свободное время.

Жили по отделениям, каждое занимало одну-две комнаты. В общежитии обсуждались все вопросы, возникшие за день, все новости, словом, всё, чем жил в это время госпиталь. Очень важно было дать мыслям и разговорам правильное направление. Мы часто и подолгу спорили на разные волновавшие нас темы. Вместе праздновали день Первого Мая, годовщину Октябрьской революции. Стол всегда был очень скромный, но это не мешало нам всюду веселиться. Мы старались создать в общежитии некоторый уют и сделать его хоть немножко похожим на дом.

Конечно, не всё пришло сразу, и не всё было так хорошо. Среди нас были самые разнообразные люди, разного воспитания, с разными взглядами на жизнь, разными моральными устоями. Бывали кражи, иногда очень крупные. Нередко происходили ссоры из-за уборки комнаты или мытья полов, так как многие не хотели этого делать. Но основной костяк коллектива госпиталя составляли здоровые духом, целеустремлённые, решительные и смелые девушки, не пасовавшие перед трудностями. Многие люди, портившие наш коллектив, отсеялись, были откомандированы. Оставшиеся взвалили на свои плечи груз и с честью донесли его до желанной победы.

Мы прожили вместе почти четыре года. Тяжёлая работа и суровые лишения сблизили и сроднили нас. Госпиталь стал нашим домом, а коллектив нашей семьёй, тем более что очень многие потеряли своих близких и никого не имели на свете. Часто, бывая в городе по делу, мы говорили друг другу: «Скорей бы домой, в госпиталь». Как писала одна из нас,

К коллективу мы привыкли,
Госпиталь нам стал родной,
И идем сейчас в него мы

Так, как шли к себе домой...

В конце 1942 года в нашей жизни произошли большие изменения. Однажды ночью нас неожиданно разбудили и сообщили о нашей демобилизации. Многие поняли это известие не совсем правильно, расстроились и разволновались, некоторые даже плакали. Одни боялись остаться на улице зимой, без крова и питания, другие считали себя обиженными, оскорблёнными: «Как так, война в разгаре, а нас демобилизуют, выходит, мы уже не нужны». Через несколько дней всё выяснилось. Всё оказалось не так страшно: все остались работать и жить в госпитале, перемена в питании была почти незаметна, зато приобреталась свобода выхода в город и возможность ходить без формы. Девять сестёр остались военнослужащими, получили звания старшин медицинской службы и погоны, которые носили до июля 1943 года, когда была произведена окончательная демобилизация сестёр.

Так мы жили и работали, так проходили наши дни, занятые самым разнообразным трудом.

Работа в палате была основной частью обязанностей медсестры, - но не единственной. Редкие сутки после дежурства мы отдыхали. Обычно после нескольких часов отдыха нас вызывали на работу. Работа была самая разнообразная. Кажется, не было ни одной специальности, которую бы мы ни приобрели здесь, ни одного вида труда, которым бы ни занимались. Мы очищали мусорные свалки, свозили с улиц снег, белили стены и стеклили окна, чистили картошку и рубили капусту, складывали дрова и

вскапывали цветники, пололи морковь и скалывали лёд, щипали вату для подушек и возили овощи, строили амбразуры и перекладывали канализационные трубы.

Время от времени выбрасывался лозунг, содержащий основную задачу дня, и нас поднимали коротким и отрывистым: «На снег!», «На уборку!», «На щавель!», «На погрузку!», «На дрова!»... Лето обычно проходило под лозунгом ремонта. Летом 1944 года много работы было проделано по восстановлению Ленинграда. Частично мы отработывали часы при госпитале, убирая территорию, но, кроме того, по инициативе комсомольцев, отремонтировали: побелка, штукатурка, покраска, - 95 квартир военнослужащих.

Другим лозунгом были «дрова». Дрова для госпиталя заготавливались в лесном хозяйстве и в порту, а в город их подвозили на платформах на вокзал, или сплавляли по Фонтанке до госпиталя, или подкатывали на трамвае. В разгрузке принимал участие весь состав госпиталя, свободный от дежурства. В любое время дня и ночи, в любую погоду, по сигналу «Пришли дрова!» мы одевались и выбегали на разгрузку, таскали огромные брёвна, складывали их в штабеля. Рядом с нами работали врачи, офицеры, сам начальник госпиталя полковник М. Н. Вендель и его заместитель майор Анисимов.

Всё это были работы, которые сёстры выполняли без отрыва от своего основного производства - от медицинской работы. Кроме того, нас на длительное время отрывали от работы в палате и отправляли в подсобные хозяйства госпиталя - лес, порт, огород.

В порту заготавливали разнообразное топливо: собирали уголь, брёвна, доски, разбирали остатки

домов, столбов и настилов; всё это сплавляли по Неве и Фонтанке к госпиталю, где топливо вылавливали и складывали.

Огород находился на станции Ковалёво. Нам принадлежало 6-8 га земли. Ранней весной на огород посылали большую группу сестёр, 10-15 человек, которые сажали, выращивали и убирали овощи. Копали гряды, не разгибая спины, с мозолями на руках, ведь многие впервые занимались такой работой. Затем вручную разбрасывали минеральные удобрения. Сажали рассаду, по утрам поливали; воду приходилось носить с реки весь день, с утра до вечера. На прополку посылали из госпиталя людей на помощь, давали им задание прополоть две-три грядки, а старые огородники наблюдали за их работой, учили отличать сорняки от морковки. Самой горячей порой была уборка. Зачастую целый день под дождём, промокшие и грязные, мы убирали капусту, копали картошку. К ноябрю уборка обычно заканчивалась, и огородники возвращались в город. Плоды работы на огороде ощущались всем госпиталем. В первые два года мы сняли по 80-85 тонн овощей, а в 1944 году - 130 тонн. Весь госпиталь был обеспечен овощами.

Большая группа сестёр работала в лесу. Отправляясь туда, мы немного волновались: знали, что работа предстоит трудная. Смотрели на деревья и думали, как их распилить и повалить, как делать из этих великанов дрова. Лесной лагерь находился в километрах 30-ти за станцией Пери. На опушке леса были раскинута несколько небольших палаток и три деревянных избушки: кухня, штаб и общежитие сестёр-дровосеков. В избушке было довольно-таки неприглядно и тесно. По обеим стенам тянулись сплошные нары, на которых нам предстояло спать.

Вещи висели на толстых палках над нарами (рабочий костюм, полотенце, платья). Так и обедали, сидя на нарах, выйти в это время было невозможно из-за тесноты.

В 6 часов утра нас будил необычный для слуха окрик: «Бабёнки, вставать! Бабёнки, на работу!» Так величал нас наш старшина. И на работе мы часто слышали ободряющее: «Бабёнки, пошевеливайся!» Позавтракав, мы выходили на работу. Одеты были в гимнастёрки и брюки, на голове платок, на ногах ботинки с обмотками, часто слишком большие и тяжёлые. В первые же дни нас распределили по бригадам. Их было несколько: пильщики, которые пилили деревья с корня; трелёвщики, носившие срубленные и очищенные от ветвей деревья на места, где их складывали по кубометрам и отвозили на машинах к станции; дорожная бригада строила и ремонтировала дороги: дожди размывали их, а бесконечные пни мешали проезду машин с дровами. Особая группа, работавшая «на сучках», расчищала лесную чашу, где работали трелёвщики, от нагромождений хвороста и упавших деревьев. И, наконец, группа, работавшая на машинах, грузившая и разгружавшая. Частенько все эти подразделения отменялись, и вся рабочая сила бросалась на прорыв: на трелёвку, на погрузку или на пилку.

Работали с семи часов утра до двух с маленькими «перекурами». За это время выполнялись основные нормы работы, а нормы были у всех: и на пилке, и на трелёвке, и на дороге, и на сучках. Известная на лесозаготовках пара пильщиков Саша и Паня Журавлевы напиливали за своё рабочее время 12-14 км, прекрасно трелевали Катя Киселёва, Саша Ходюк, бесменно на погрузке и разгрузке работала

Броня Мордерер. Иной раз удивлялись мы, видя, как какая-нибудь тоненькая девушка свободно несла на своем плече увесистый ствол.

Особенно трудно было во время дождей, когда нужно было с тяжёлым грузом идти по скользким лесным тропинкам. Наши лесозаготовки были в двух лесах, и в одном из них, с топкой болотистой почвой, в дождливое время работать было особенно тяжело. Дождливая погода имела ещё одну очень непривлекательную сторону: негде было сушить промокшую одежду, негде было самим обсушиться. Приходилось разводить костры и сушиться вокруг них, хотя это было и неудобно, и долго.

Мы старались выполнять норму до обеда. Усталые, в обеденный перерыв сразу шли к реке, а после освежающего купания выходили снова работать. В 8 часов заканчивался рабочий день. Затем - ужин и свободное личное время. Оно очень быстро летело, это свободное время: немного считаешь, погуляешь - и спать, ведь просыпаться надо рано утром.

Каждые пять дней из города приезжали машины с продуктами, приезжал кто-нибудь из начальства с запасом свежих новостей о госпитале, о городе (в это время город сильно бомбили, и мы беспокоились за оставленных там близких). Привозили письма и газеты. Такой день был событием, огромной радостью, мы его с нетерпением ждали.

Госпиталь был для нас суровой жизненной школой. Здесь мы узнали много нового, привыкли к физическому труду, научились не бояться никаких трудностей. Это пригодилось, когда мы попали в ещё более суровые условия.

В конце ноября 1944 года мы узнали, что готовятся изменения в нашей общей судьбе. Предстояла передислокация. Это непривычное слово мы произносили с каким-то страхом и невольным почтением. Сначала не верилось, что такая махина, как наш госпиталь, сможет с места сдвинуться, не то что ехать куда-то за границу. Да и думать об этом не хотелось. Многие из нас восприняли сообщение об отъезде болезненно. Не хотелось расставаться с семьями, только что вернувшимися из эвакуации, тяжело было покинуть Ленинград, с которым мы сроднились, который полюбили особенно сильно за всё тяжёлое, пережитое здесь. Да и неизвестность пугала. Шутка ли! Ведь за три с половиной года мы так привыкли к оседлой жизни, что переезд казался чем-то невероятным.

Но оставаться мы не думали. Во-первых, война приучила нас быть готовыми ко всяким неожиданностям, во-вторых, мы ясно представляли себе, что нужны там, куда нас посылают.

И вот госпиталь начал свёртываться. Уезжали больные, пролежавшие у нас несколько месяцев. Мы очень привыкли друг к другу и с грустью расставались. В последние дни перед отъездом ходили к нам прощаться и из других госпиталей. «Будьте здоровы и счастливы, работайте так же, как здесь, а мы ваш госпиталь никогда не забудем», - говорили они нам на прощанье.

Скоро в госпитале стало пусто. Теперь уже все, даже самые недоверчивые, верили, что скоро мы двинемся. Началась упаковка госпитального имущества, а затем погрузка в машины и в вагоны. Работали дружно: таскали табуретки, тумбочки, стулья, койки.

Крик «На погрузку!» стал привычным и звучал так же, как раньше «На лёд!» или «На снег!», только поднимались мы с места охотней и быстрее, чем прежде. Работа была тоже не из лёгких. Койки били по ногам впереди идущего, и никак нельзя было от этого избавиться, ящики оказались очень тяжёлыми, а лёгкие серые одеяла, упакованные по 20 штук, к концу дня становились стопудовыми. С любопытством осматривали вагоны, в которых нам предстояло ехать: большие товарные вагоны-теплушки, в которых раньше возили скот. Грузили, работали, а в голове всё время одна и та же мысль: «Неужели, правда, скоро уедем?» И любопытно было, и тревожно немножко. И так как всякое ожидание надоедает, хотелось уже скорей двинуться.

И вот пришёл этот день, вернее, ночь с 14 на 15 января 1945 года. Раздался сильный толчок, и наш состав двинулся. «В добрый час!» - сказал кто-то, и все невольно про себя подумали то же самое. Эти слова мы привыкли слышать дома, с ними провожали нас матери на школьные занятия, экзамены, с ними встречали нас из пионерских лагерей. И сейчас каждый думал об оставленных близких, о доме, о Ленинграде, обо всём, что осталось позади. А поезд шёл, мерно покачиваясь, на полках подпрыгивали чемоданы, и колёса отстукивали в такт нашим мыслям: «Едем, едем, едем!..» Наш госпиталь ехал на 2-й Белорусский фронт.

Итак, началась наша путевая жизнь. В вагонах были устроены двухэтажные нары. Спали, тесно прижавшись друг к другу, поворачивались на другой бок по команде. Ехали хорошо, весело, много читали, пели любимые фронтовые песни; однажды затеяли

соревнование с бойцами соседнего эшелона, изо всех сил стараясь тянуть голоса вовсю: мол, знай наших!

На стоянках немедленно выбирались из вагонов. Сначала слезали по лестнице, потом выпрыгивали с лестницы прямо в сугробы. Сразу же разбегались - кто за водой, кто осматривать окрестности, кто поболтать с подругами, ехавшими в других вагонах. И вдруг раздавался голос дежурного по эшелону: «По вагонам!» Все быстро поднимались по лестницам, подталкивая друг друга. Раскатистое «По вагонам!» стало привычным выражением.

Было и несколько неприятных случаев, окончившихся, к счастью, благополучно. Однажды одна девушка, сидя на спущенной из вагона лестнице, не заметила, что поезд тронулся, упала и отстала от эшелона. Но она была хорошей спортсменкой и догнала поезд, стоявший на следующей станции несколько часов. Многих любопытных созерцателей местных красот приходилось за шиворот втаскивать в вагоны. Однажды две наших сестры отправились осматривать окрестности. Уже прозвучала знаменитая команда «По вагонам!», уже машинист дал последний свисток, а их всё не было. Так мы и уехали без них. На каждой остановке ждали: вот-вот вернутся. Явились они через трое суток, усталые, исхудавшие, голодные. С набитыми ртами, перебивая друг друга, рассказывали о своих злоключениях. После этого по всем вагонам стали проверять, все ли на месте.

Поездка наша была хорошо организована, и мы первый раз за много месяцев по-настоящему отдыхали. По целым часам не отрываясь смотрели в окна, перед нашими глазами раскрывались самые разнообразные картины, одна красивее другой: то сосновые леса, мохнатые от покрывшего их снега, то одинокие

домики, то целые городки, то огромные снежные пространства, голые и безлюдные. Чем дальше от Ленинграда, тем явственнее выступали следы войны: разбитые вражеские танки, обломки немецких самолётов, развороченные машины, развалины домов, составы, сброшенные с откоса.

О будущем думали мало. Знали, что едем в Белосток, что здание уже подготовлено, что нас там ждут. Но жизнь перевернула все наши планы. Однажды парторг госпиталя, регулярно сообщавший нам сводки, пришёл особенно радостный и оживлённый: «Хорошие вести, девушки! 2-й Белорусский фронт наступает. Армии Рокоссовского шагают гигантскими шагами. Фронт отодвинулся на много десятков километров». С каждым днём сводки становились всё полнее, всё интереснее. Мы уже не хотели ехать в Белосток. Нам хотелось быть ближе к фронту, принимать раненых прямо с поля боя. Наше желание сбылось. В Белостоке мы получили приказ двигаться дальше.

В городе Цеханове пришлось перегружаться с русской колеи на европейскую. При перегрузке мы увидели сваленную на платформе кучу книг: Шиллер, Гейне, сборники песен. Студентки-филологи взяли себе книги: это были единственные трофеи, привезенные нами из Германии. В течение нескольких часов весь наш огромный состав был перегружен в другие вагоны, и мы снова двинулись в путь. Европейские вагоны оказались очень холодными и неудобными. Из всех щелей дуло, на полу был лёд, и мы мечтали скорей добраться до места.

Наконец поезд остановился у небольшого польского городка Дзялдово (немцы называли его Зольдау).

Разместились на самой окраине города в зелёных бараках - целый городок, окружённый колючей проволокой: пересыльный концлагерь. Бараки эти были совершенно не приспособлены для госпитальных палат: маленькие комнатки с двухэтажными деревянными кроватями, напоминающими стойла. Мы с ужасом смотрели на хаос, царивший вокруг: мебель, книги, тазы, недоеденные бутерброды, тарелки с кашей, посуда, целые груды мусора - всё вперемешку. При одном взгляде на эту картину было ясно, что немцы бежали отсюда без оглядки, побросав самое необходимое. Среди мусора было много ценных для нашей работы вещей: шприцы, почкообразные тазики, грелки, банки, тазы... Это были наши «трофеи», всё это мы сейчас же несли в перевязочные и в отделения.

Конечно, у многих были и иные трофейные настроения: были среди нас и такие, кто не брезговал грязным платьем или пыльной шляпой, кто старался приобрести побольше трофеев для себя. Но большинство думало о госпитале, о том, что полезно для медицинской работы.

Первую ночь спалось плохо. Думали о далёком Ленинграде, о близких, так хотелось в эту минуту очутиться дома...

Утром начали возить имущество со станции. Грузили и разгружали подводы и машины, многое перевезли на саночках и перетасили на себе. Помогали нам наши соседи - бывшие военнопленные французы, англичане и итальянцы, разноязыкая масса людей. Когда госпиталь развернулся, к нам стали приходить

помогать поляки - стройные девушки, красивые парни, непохожие на нас и наших солдат.

Началась уборка барачков. Работы непочатый край, ещё ничего не приготовлено, а первых раненых ждут с минуты на минуту. И вот начинают подъезжать машины. Большинство из нас - у приёмно-сортировочного отделения. Выносим раненых, носим несколько часов подряд. Уже на руках мозоли от носилок, уже болит голова и всё тело от напряжённой работы, но остановиться нельзя, ведь в машинах ждут тяжело раненные, страдающие люди, которые сражались за нас, за то, чтобы скорее кончилась война, чтобы мы вернулись в Ленинград к близким, к учёбе. И это сознание придавало нам сил и желания работать, выполнять наш долг, как бы он ни казался иногда непосильным.

Из барачков уходили военнопленные, неся за плечами скудный скарб, в руках - кувшины, вёдра. Буквально в это же время в другие двери мы вносили на носилках раненых бойцов и офицеров. Всё делалось очень быстро, без разговоров. Работа кипела: мыли полы, топили печи, обтирали стенки и набивали сенники, помогали строить нары, ломали перегородки, чтобы сделать большие палаты.

Позже эти нары стали нашим проклятием. Мы ненавидели их, как живое существо. В темноте мы натыкались на них, рвали халаты и платья. Придать палатам мало-мальски уютный вид было из-за них совершенно невозможно. Из сенников, лежавших на верхних нарах, постоянно сыпалась солома. Больные скатывались друг на друга, ударялись ранеными конечностями. Добраться до верхнего этажа можно было только с помощью стула или табуретки, а в

темноте при коптилке лезть наверх, разыскивать больного было просто мучением.

Раненые прибывали сплошными потоками. В приёмно-сортировочном отделении нельзя было пройти по коридору, весь пол был заставлен носилками. Шагать приходилось буквально через людей, раненые лежали там по нескольку часов, ожидая своей очереди.

Поток раненых буквально захлёстывал нас. Многие машины, минуя приёмно-сортировочное отделение, подъезжали прямо к баракам, и мы принимали больных - необработанных, невымытых, в обмундировании, и уже в палатах раздевали, мыли и брили их. В первые 5 - 6 суток мы вообще не ложились спать. Таскали и таскали носилки, и пока несёшь по прямой линии, закрываешь глаза и дремлешь...

Вскоре были заняты все свободные помещения. Тогда нам приказали немедленно освободить комнаты, занятые под общежитие. Нам сказали: «Ищите места в городе, где хотите», - и мы пошли искать жильё в чужой, незнакомый город. Жили мы там, особенно первое время, плохо: без света, без воды, без дров. Возвращались с работы поздно, в 10 - 11 часов и шлёпали по грязи полтора-два километра в полной темноте. Небо освещалось ракетами, поминутно слышались выстрелы, попадались навстречу пьяные. Было очень неприятно и просто страшно.

Раненые продолжали прибывать. В госпитале не было света, не было воды, вопрос о воде был тогда самым актуальным, самым жизненным. С раннего утра до поздней ночи и всю ночь до утра больные кричали: «Пить! Воды! Пить!» - а мы не могли дать им этой воды, так как её не было. Больные кричали: «Да неужели у вас в госпитале нельзя простой воды

достать!» - а мы ничего не могли сделать, только и ждали, когда, наконец, приедет водовоз и привезёт воду из города, а больные пока бегали пить мутную воду к колодцу, ругая всех нас трёхэтажной бранью. Мы выпрашивали воду для больных на кухне, в приёмно-сортировочном отделении, а чаще брали, не спрашивая, прятали воду друг от друга и от ходячих больных, чтобы сберечь её для самых тяжёлых.

На палатную сестру приходилось в среднем 100-105 человек. Большинство из них - тяжело раненные, совершенно беспомощные люди. Санитарок почти не было: часть осталась в Ленинграде, часть заболела здесь. А делать нужно было так много, что даже не верилось, что это возможно.

В бараках было очень холодно, дуло изо всех щелей. Каждая сестра должна была достать на свой пост дров, напилить их, наколоть, затопить печку, достать и нагреть воды, умыть больных, вымыть плевательницы, убрать палаты, разнести завтрак, обед и ужин (и очень многих накормить с ложечки), переносить на перевязки - и ещё много, много другого.

Мы постоянно выносили судна и подавали утки, сами мыли больных в банные дни, предварительно перетаскав их в баню. Всё это шло помимо медицинской работы. Раздавали лекарства, подбинтовывали, поправляли постели, измеряли температуру буквально на ходу, и ежеминутно палата оглашалась громким криком: «Сестра, судно!», «Сестра, утку!», «Сестра, пить!»

Всё ещё не было света, воды. Кухня из-за этого опаздывала, и завтраки, обеды и ужины бывали в самое невероятное время. Нехватало самого необходимого. Например, на двух больных были один матрац, одно одеяло и одна простыня. Зачастую

приводили больного и давали ему только халат и простыню, а он стоял в недоумении и не знал, что делать: то ли укрываться халатом, то ли класть его под голову. Совсем не было носков, нехватало тапочек, а бельё, бывшее в употреблении со времени блокады, стало рваным и жёлтым.

Страшно вспомнить, как ругали нас больные первое время. Мы сразу поняли, что эти люди в корне отличаются от тех, с кем нам приходилось иметь дело до сих пор. Воюя на вражеской территории, опьяненные успехом, распушенные и недисциплинированные, свои требования они сопровождали таким потоком площадной ругани, что мы не знали, куда деваться. А если они не получали сразу того, что мы должны были им дать, то начиналось что-то неопишное. На наши уговоры и просьбы не ругаться они отвечали ещё более изысканной бранью, грозили костылями, а иногда дело доходило даже до рукоприкладства.

От всего этого мы буквально выбивались из сил. Возвращались со смены усталые, с распухими ногами. Думать ни о чём не хотелось, только бы скорее пройти эти мучительные полтора-два километра от госпиталя до дома и лечь поскорее спать. Казалось, никакая сила не могла бы поднять нас с постели после дежурства. Но крик «Сестра, сестра!» преследовал нас и дома, стучал в наших ушах. Мы знали, что в палатах нас ждут, что дежурная сестра физически не в силах справиться со всей работой, и, отдохнув несколько часов, мы снова приходили на отделение, чтобы привести всё в порядок, убрать палаты, успокоить больных.

В перевязочных отделениях и в операционных упорная, напряжённая работа шла днём и ночью:

делались операции, накладывались гипсы, обрабатывались раны. Киселёва, Осокина, Круглова и другие сёстры работали неустанно, по двое-трое суток не выходя из операционной.

Было очень тяжело, но мы были теперь не робкими и неумелыми, как в 1941-м году, не слабыми и истощёнными, как в 1942-м. Опытные, ловкие, полные веры в будущее, мы принимали тяжесть этого периода как неприятное временное явление, с которым мы боролись и вышли победителями. В самое трудное время парторг госпиталя капитан Янцевич беседовал с нами, ободрял нас и во многом помогал. По всем отделениям проводились партийные и комсомольские собрания, на которых обсуждался один основной вопрос: как наладить работу, как вывести госпиталь из прорыва? То, что мы из него с честью вышли, - это была большая победа, и во многом подготовили её наши сестринские руки.

Всё пришло не сразу. Сначала появился свет - неуверенно, тускло зажглись первые лампочки, потом пошла вода, начала хорошо работать кухня. Ругань прекратилась, жалоб стало меньше... Входя в палату, мы уже не слышали постоянно несущегося со всех сторон крика «Сестра, сестра!»

Придав более приличный вид отделениям, мы взяли за культмассовую работу с бойцами. Большинство отделенческих парторгов - сёстры, и на наших плечах лежал весь груз политической работы с больными. Читали вслух газеты, делали доклады. Широкий размах приобрела самодеятельность, с прекрасными концертами выезжали в другие госпитали. наших артистов - таких, как Ира Рывкина и Броня Мордерер, - знали далеко за пределами госпиталя. На один наш концерт должен был приехать командующий

фронтом всеми нами любимый Рокоссовский. Как мы готовились! Для Рокоссовского приготовили специальный стул. Концерт был, - а Рокоссовский не приехал!

Много времени уходило на простые задушевные беседы с больными. И как радостно было, войдя в палату утром, услышать: «А мы тебя все ждали!», увидеть, как тяжёлый больной поворачивает голову и старается улыбнуться. Когда же, тяжёлый в прошлом, больной поднимается в первый раз на ноги или бросает костыли, это было праздником для всех нас.

Навсегда останутся в памяти имена тех, кого мы буквально воскресили из мёртвых: Владимиров, Архипов, Краснобаев, Иванов и десятки других. Боец Владимир Иванов был тяжело ранен в грудь. Из раны шло ужасающее зловоние, вся повязка была мокрая от зелёного густого гноя. Мы не успевали подбинтовывать и менять бельё. Температура держалась днём и ночью до 40. Сильные боли делали его бесконечно раздражительным. Он ругал нас, врачей, весь госпиталь самой отборной бранью. От него невозможно было отойти, а помочь ему было очень трудно, так как при всяком сотрясении или прикосновении лицо его перекашивалось от боли, а малейшее резкое слово выводило его из себя: он нервничал, кашлял, отплевывал зелёную мокроту и с ненавистью смотрел на обидчика. «Состояние очень тяжёлое», - говорили врачи, покачивая головами. Прошло три месяца. Больной поправлялся буквально на глазах. Он начал сам садиться, пить и пошёл - робко, неуверенно, держась за стенки. Потом он начал сам перестилать свою постель и, довольный, звал сестру: посмотри, дескать, как я теперь управляюсь! Он бросил грубый тон, а в глазах бегали весёлые огоньки, когда он

смущённо говорил нам перед отъездом в глубокий тыл: «Вы уж не сердитесь, сёстры, больно я ругался здорово... Но без вас я бы жив не был...» И это окупало всё! И бессонные ночи, и усталость, и тоску по родному дому. В такие минуты мы ещё сильнее ощущали полезность и необходимость своего труда, силу коллектива и желание работать как можно лучше, чтобы помочь людям, завоевавшим для нас победу.

Мы знали не только радость спасения больного, но и горечь его утраты. Смерть больного никогда не была для нас чем-то привычным и обыденным, мы воспринимали её как большое личное горе. Всегда до последней минуты делали уколы, давали кислород, стараясь спасти жизнь.

Мысли о доме, о Родине никогда не покидали нас; ждали писем с нетерпением и целыми толпами стояли у клуба, где разбиралась почта. Но работы было так много, и она требовала такого напряжения физических и душевных сил, что всё остальное невольно отходило на задний план.

Всё время поступали раненые, они приезжали с фронта в приподнятом настроении, с гордостью рассказывая о наших победах. Одновременно шла массовая эвакуация в глубокий тыл для дальнейшего лечения. Всё это лежало на нас - и приём, и отправка раненых. Мы должны были проверить, чистое ли у них бельё, в порядке ли повязка или гипс, пришиты ли пуговицы, получить документы, сдать и отправить людей.

Большинство поступавших в госпиталь были тяжелораненые. Все достижения медицинской науки были брошены на восстановление их здоровья и сил. Внутривенные вливания, капельные клизмы, плевральные пункции, переливание крови - все эти

труднейшие процедуры делались сёстрами. Часто срочно требовалась кровь, и многие из нас, ставшие донорами, давали её больному, отказов никогда не было, каждый считал делом чести помочь раненому своей кровью. Можно было услышать такой разговор: «Зачем ты дала кровь?» - говорила высокая, полная девушка своей подруге. – «Ты худенькая, маленькая, надо было сказать мне, ведь у меня крови на двоих хватит». Много раз сдавали кровь Орехова, Колганова, Разумовская, Кутина, Лукина, Кондрашёва.

Мы очень следили за своим внешним видом, старались не опускаться. Даже в самое трудное время стирали халаты перед каждым дежурством.

Время шло. Засияло весеннее солнце, покрылись зелёной листвой деревья. В госпитале в это время было уже относительно чисто и уютно. Ненавистные нары убраны, и вместо них стоят знакомые ленинградские кровати с подзорниками. На тумбочках белые салфетки, на окнах занавески. Днём в солнечную погоду больных в палате почти не было. Даже самых тяжёлых мы выносили на солнышко. С особым интересом следили мы в эти дни за событиями на фронте. По вечерам бегали в кабинет замполита слушать последние известия и, если больные не спали, сразу же сообщали им волнующие новости.

7-го апреля в Мариенвердере состоялась первая научная конференция медсестёр. Сёстры нашего госпиталя выступали с квалифицированными докладами, ведь у нас был теперь большой опыт, которым мы могли поделиться с другими.

Война шла к концу, - и все чаще мы думали о том, какая жизнь наступит после победы. Она должна быть лучше, чем до войны, все плохое должно уйти в прошлое. Наивно и горячо писал об этом Лии Левитан

с фронта ее брат: «Скажут - конец войны. Как мы жить будем? Ведь так привык к войне, что кажется, так и надо и иначе быть не может... Как мало осталось чистых людей, до чего многие распустились! Было б в моей власти, не разрешил бы им жить после войны, чтобы они не пачкали той прекрасной жизни, которая начнется».

Радостно мы готовились к празднику Первого Мая. Украшали бараки зеленью, развешивали лозунги и портреты. Праздник прошёл торжественно, многие работники были награждены орденами и медалями. В большом праздничном концерте принимали участие 40 сестёр.

События нарастали с поражающей быстротой. Однажды ночью мы услышали известие о боях в предместьях Берлина. Красная Армия завершала своё победоносное наступление. Слово «победа» было у всех на устах, но никто ещё не решался его произнести. Все верили, что конец близок. 2-го мая был взят Берлин. Нашему ликованию не было предела. Все понимали, что готовится что-то грандиозное.

И вот наступила незабываемая волнующая ночь с 8-го на 9-е мая. Несколько наших сестёр были заняты срочной ночной работой. Остальные спали. Вдруг в тишине ночи раздались крики, смех, радостные возгласы: «Война окончена! Победа!» Поднялось что-то невообразимое. Полуодетые, мы бегали по баракам, плакали, смеялись, целовали друг друга. Через 10 минут после объявления по радио весь госпиталь был на ногах. Хотелось быть вместе со всеми. Хотелось ещё и ещё раз удостовериться, убедиться, что это правда. И вот начался салют, который мы запомнили на всю жизнь. Стреляли зенитки, автоматы, пистолеты - стрелял каждый, у кого

было оружие, ввысь поднимались гирлянды жёлтых, красных и зелёных ракет. Тёмная ночь, деревья, звёзды, сверкающие ракеты, разрывающиеся в небе, и мы - взволнованные, притихшие: всё это создавало торжественную, незабываемую картину.

Долго стояли мы задумавшись. Каждый вспомнил всю свою жизнь, блокаду, госпиталь. С горечью вспомнились потерянные близкие, друзья, любимые. Каждый думал о своём, но в то же время у всех была волнующая всепокоряющая мысль: «Наконец произошло то, чего мы ждали столько мучительных лет, наконец-то пришла желанная ПОБЕДА!»

В эту ночь никто не мог спать. Грустные, радостные, тревожные мысли сменяли одна другую. Наступал первый день после войны. Начиналась новая жизнь!

1945 – 2000

Послесловие

Мы написали эти записки 55 лет тому назад - летом 1945 года. Осенью мы вернулись в университет. После его окончания Лидия Разумовская почти полвека преподавала русский язык и литературу в школах Ленинграда, а Лия Левитан, кандидат филологических наук, доцент, 43 года преподавала русскую литературу в Даугавпилском педагогическом институте (Латвия); с 1994 года живет в Израиле.

Один экземпляр рукописи «Записок медсестры» находится в Музее истории Ленинграда, второй - в Историко-краеведческом музее Даугавпилса.

Готовя рукопись к печати, мы внесли в неё небольшие дополнения и приложили к тексту сохранившиеся у нас фотографии, пояснения к ним и дарственные надписи на фотографиях наших пациентов.

Лиля Разумовская читает раненым «Облик дня» Ванды Василевской.

Лиля Левитан с ранеными Ваней Мельниковым и Сашей Пронинцевым. Надпись на обороте: «Лучшие друзья в дни отечественной войны. Лиля, пусть это фото служит символом в твоей счастливой жизни. 2. 3. 44»

Лия Левитан, 70-е годы.

Лидия Разумовская, 80-е годы.

Лия Левитан, 1941 год.

Саша Ходюк. Медсестра, погибла во время артобстрела госпиталя.

Ира Рывкина: «Лийке от Ирки. Ленинград, 14. 12. 44».
Умерла в 2000 году.

«Ленинград, госпиталь 1448, 6. 11. 43 от Гоши на память Лиичке. Вспоминай»

«На долгую память Лии Левитан от Валентина Драб. В дни отечественной войны»

«На долгую память Лили от П. Маркова. Лен. обл. Бор. р-н п. о. Преблово с. с. Юкино»

Надписи нет.

«На память от друга Саши Ивантеева лучшему другу и товарищу Лилечке Левитан - память отечественной войны. 11. 6. 1944»

Василий Семенов: «На память своей девушке любимой, которую я очень обожал, - от С. Василья».

«Другу Лии от друга Виноградова»

Виктор: «На добрую память любимой сестренке Лии от «любимого братишки Витюшки». 18. 10. 43 г.».

«На память Лии от Васи. Если она вас интересует, то смотрите, а если нет, то порвите. Не забывай нашу дружбу. 25. 8. 44 г. Л-д»

Егор: «Лии на память от Егорушки. Ноябрь 43 г. Л-д».

Надписи нет.

«На долгую и добрую память дорогой сестричке Лии от Ивана Никитовича Аляева. Адрес домашний: Мордовская АССР, почт. отделение Ромоданово, село Ивантеевка, Аляеву. Фото 15 июля 1943 года».

Павел: «17.10.44. На долгую память Лии от Паши Б. Посмотришь - вспомнишь, вспомнишь - посмотришь ...»

Женя Клохтин.

«На добрую и долгую память Левитан Лии от
Дмитриева Николая. Г. Ленинград, госпиталь, 23.10.44 г.»

«8.10.44»

Шура Калганова, Петр Лябах и (фамилия неразборчива).

Володя Еленский – в центре: «Лии от Володи – в память о нашей замечательной дружбе, которая принесла мне так много хорошего. Лия! Когда я отсюда уеду, то пусть хоть этот мертвый отпечаток напоминает тебе о живой Володькиной душе. Ленинград, э.г. 1448, 7.11.44г.»

Владимир Еленский (справа): «Дарю, Лия, ф-ку, прошу ее беречь, а если не понравится, прошу сейчас же сжечь. Лия! Это тот, который так предан тебе! Ленинград, э. г. 1448, 7. 11. 44 г. В. Еленский».

Владимир: «Лия! Искренне, от всей души желаю тебе иметь такое же полное, настоящее счастье, которого ты желаешь мне, а может оно будет не у Вас и мое, а - НАШЕ??!

Лия! Где ты найдешь любовь такую же, как моя, - любовь, которую ни время, ни разлука, ни отчаяние не смогут погасить? Последние мои слова перед предстоящей временной разлукой будут таковы: разлука сердец, созданных одно для другого, - невозможна!

Лия! В минуты, когда тебе будет грустно, я думаю, этот немой «Володька» тебе будет помогать, потрудись только взглядывать на него. Л-д, 2. 12. 44. Вовка».

Дмитрий Мартынов: «Проходят дни, пройдут года, любовь и дружба не проходят никогда. Лиля! Таких фотокарточек у тебя, быть может, заполнены все страницы альбома. Это ничего, где-либо поместишь и эту фотокарточку. Г. Ленинград, госпиталь. Д. Мартынов».

«Лиле от Димы. Кружок участников самодеятельности. Пусть эти мертвые черты лиц напомнят что-нибудь тебе живое. Ленинград, 5. 11. 44 года. Д. Мартынов»

«Лиле от Димы. Лиля! Веселым родился, веселым умру, врага разгромим мы, к тебе я приду. 5. 11. 44 г. Д. Мартынов. Г. Ленинград, в дни лечения в госпитале 1448»

Госпиталь 1448, 11-е отделение, 1948 год. В нижнем ряду: третья слева - Ира Рывкина, четвертая слева - Ида Замтфорт. В среднем ряду: первая слева - диетсестра, четвертая - зав. отделением Антонина Михайловна Веселкова, пятая - старшая медсестра Александра Семеновна Ермолинская, шестая - медсестра Вера Орехова. В верхнем ряду: первая справа - Шура Калганова, вторая - Аня Ильина.

Встреча ветеранов госпиталя, 70-е годы. В нижнем ряду: первый слева - старшина Лобанов, вторая - Нина Ключева, четвертый - начмед госпиталя Борис Зиновьевич Данович, пятая - Нина Дейкова; первая справа - Ира Рывкина. В верхнем ряду: первая слева - диетсестра Романова, второй и четвертый - сыновья доктора Рождественского; первая справа - Лия Левитан.

Встреча ветеранов госпиталя, 80-е годы. В нижнем ряду слева направо: Лиля Разумовская, Аня Шварцман, Валя Демина, Ира Рывкина. В верхнем ряду слева направо: Ида Замтфорт, Катя Осокина, Лия Левитан, Нина Дейкова.

Встреча ветеранов госпиталя, 80-е годы. В нижнем ряду слева направо: Лия Левитан, Лиля Разумовская. В верхнем ряду третья слева - Лида Подмазова, операционная сестра.